

МУЖСКАЯ МОДА — ПРОИЗВОДНАЯ ОТ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ВНЕШНЕГО СВОЙСТВА. И ЕСЛИ ПОЛИТИКА — КОНЦЕНТРИРОВАННОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ЭКОНОМИКИ, КОСТЮМ — ЕЩЕ БОЛЕЕ КОНЦЕНТРИРОВАННОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ПОЛИТИКИ С ЭКОНОМИКОЙ.

КРИЗИСНЫЙ CASUAL SHIC

ГЕННАДИЙ ЙОЗЕФАВИЧУС

Е

С

Если в финансах — кризис, экономика летит ко всем чертям, а политика едва поспевает за экономикой в полете туда же, то мужской костюм не может не участвовать в этом всеобщем полете. К счастью, в отличие от двух первых участников полета костюм вовсе не страдает, просто он меняется, и по этим самым изменениям можно, как по радужной оболочке глаза, как по линиям руки, считывать состояние политики, то есть экономики, то есть предсказывать всю нашу жизнь. Ну если и не всю, то на среднесрочную перспективу. Чем благостнее атмосфера (как природная, так и политико-экономическая), тем жестче мужской костюм. Жестче — в прямом смысле. Пиджак в периоды всяческой разрядки приобретает ватные плечи, простеганные китовым усом лацканы, подкладку; он, пиджак, держит размякшее тело своего хозяина в тонусе, он не дает ему растечься, проникнуться всеобщим настроением. Напротив, стоит благости отойти, костюм ровно так же отпускает своего владельца, ему больше незачем держать заигравшее мускулами тело. Пиджак становится мягким, из него исчезают плечи, жесткие борта, он перестает выглядеть корсетом и становится скорее чем-то вроде кардигана.

Потом, на стыке тысячелетий, старая эпоха вместе со старым отношением к политике и экономике ушли, а вместо них пришло все новое — начался петербургский этап новейшей истории. Экономика пошла в гору, политическая жизнь постепенно стабилизировалась, то есть перестала выказывать признаки жизни, долги были розданы, и английский костюм, прекрасно подходящий для того, чтобы скрыть явную мускулатуру отставников, наконец-то воцарился в гардеробах отечественных чиновников, в мгновение ставших отчаянно элегантными.

А потом все стало снова меняться. Благость — в экономике и политике — окончательно уступила поле жесткости: начались войны, суверенизация автономий, грянул мировой кризис, в который Россия вошла практически синхронно со всем остальным миром, и, как следствие, поменялся мужской костюм. Британский пиджак ушел, как некогда ушла в историю Британская империя, а пришел пиджак деконструированный, лишенный подкладки, ватных плеч, любых элементов жесткости. Он не появился из ниоткуда. В виде пиджака-свитера (sweater jacket), не будучи вещью повсеместно распространенной, он существовал и до обвала Уолл-стрит и свержения Саддама. Теперь этот пиджак перестал называться свитером, стал шиться совсем из другой ткани и

превратился в объект must have в каждом гардеробе. Тончайшая шерсть уступила поле мягчайшему кашемиру, разлинованный мелком асфальт (это про цвет) — всем оттенкам жемчужного, цвету морской волны, даже коричневого. Все перевернулось с ног на голову, и бывшие недавно уделом богемы шалости типа разноцветных пуговиц (на манжетах и гультфике), вязаных галстуков, ярких носков, рубашек с фривольным рисунком (невидимым, впрочем, для окружающих) перешли в гардероб людей серьезных. Это как если бы все пенсионеры переоделись в драные джинсы, повязали банданы и сели на «Харлей». С отдельными стариками такое, конечно, происходит, но чтоб целый класс мужчин, не достигших пенсионного возраста, захотел одеваться в умную, ироничную одежду — миру надо было дойти до крайней черты, с головой окунуться в настоящий кризис. Ну так он и дошел, и окунулся. И теперь совсем не обязательно включать звук телевизора, чтобы ощутить серьезность положения — достаточно посмотреть, как и во что одеты ответработники, делающие заявления, а одеты они как раз таки в нечто мягкое, уютное, даже несерьезное. Впрочем, они даже иногда не совсем — для лучшего обзора мускулатуры — одеты, и частичная эта нагота дает еще более очевидный сигнал окружающим: время мягкотелости в политике прошло. А значит, наступило время мягкости в одежде, эпоха casual chic.

Сезон

ЧТОБЫ ЦЕЛЫЙ КЛАСС

мужчин захотел одеваться в умную,
ироничную одежду, миру надо было
с головой окунуться в настоящий кризис

Вспомните начало девяностых. Всеобщее ликование по части умерщвления коммунизма, свободы, повальное разоружение, объединение Германии... А что в моде? Жестко структурированные пиджачные пары, а то и тройки из далеко не самой тонкой шерсти; четкие линии, приталенный силуэт, триумф английского стиля. И к этому — накрахмаленные белые рубашки, довольно широкие галстуки из шелкового твила, начищенные классические туфли, темные носки. И никаких фривольностей, только черный или такой серый, что уже чернее черного. К концу объединительно-перестроечных девяностых мужская мода обрела свой золотой — не русский — стандарт: роскошно пошитый темный костюм, превращающий находящегося внутри него мягкотелого клиента в атлета.

Это, понятно, не про российскую мужскую моду, радовавшую в начале девяностых мы все помним чем. То, конечно, был вполне оформившийся (и овладевший миллионами) стиль, но никак не мода в журнальном понимании этого слова. Впрочем, уже к середине последнего десятилетия того века наши соотечественники стали одеваться в американские по типу мешковатые костюмы. Стиль всеобщей благости еще не нашел себе места, зато карнавальный стиль Versace и, позже, Dolce & Gabbana (не портновские шедевры сицилийского образца, но южный бандитский шик) укоренился у нас столь прочно, что никак не выветрится и по сей день.